

Научная статья
УДК 82.161.1.09“19”
doi: 10.17223/23062061/36/2

ТЕМА ОТЦОВ И ДЕТЕЙ В ПОВЕСТИ И.С. ШМЕЛЕВА «ЧЕЛОВЕК ИЗ РЕСТОРАНА» В АСПЕКТЕ ИСТОРИИ ТЕКСТА

Анна Александровна Скоропадская¹

¹ *Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия,
san19770@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается тема отцов и детей в центральном произведении дореволюционного творчества И.С. Шмелева – повести «Человек из ресторана». Для анализа привлекаются сохранившиеся черновые материалы, позволяющие выявить этапы созревания идейного замысла и его художественного воплощения. История текста повести свидетельствует об изначальной значимости для автора темы отцов и детей: попробовав развернуть поколенческий конфликт в социально-бытовом ракурсе, Шмелев постепенно отходит от этой стратегии и наполняет взаимоотношения отца и сына Скороходовых непреходящей религиозно-философской символикой.

Ключевые слова: И.С. Шмелев, история текста, неореализм, тема отцов и детей, блудный сын

Для цитирования: Скоропадская А.А. Тема отцов и детей в повести И.С. Шмелева «Человек из ресторана» в аспекте истории текста // Текст. Книга. Книгоиздание. 2024. № 36. С. 21–34. doi: 10.17223/23062061/36/2

Original article

THE “FATHERS AND CHILDREN” THEME IN IVAN SHMELYOV’S STORY *THE MAN FROM THE RESTAURANT* IN THE ASPECT OF THE TEXT HISTORY

Anna A. Skoropadskaya¹

¹ *Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation, san19770@mail.ru*

Abstract. The article examines how Ivan Shmelyov develops the “fathers and children” theme in the process of creating the story *The Man from the Restaurant*. The

main research method is comparative textual analysis. The material for the study was the surviving handwritten and printed draft versions of the story. The topicality of the research is determined by the need for a more detailed study of Shmelyov's early works in order to clarify the origins of the author's method, which was defined as "spiritual realism" and which genetically goes back to neorealism. The novelty of the research lies in the analysis of the draft materials that have never published and have not been completely deciphered, which makes it possible to reconstruct the history of the text in general and the formation stages of the "fathers and children" theme in particular. As a result of the study, it was revealed that the "fathers and children" theme plays an important plot-forming role from the very beginning of the work on the story. The "little man" Yakov Skorokhodov appears not only in the role of a waiter, but also in the role of the father of the family; all the hardships of the "serving" labor, which he endures for many years, are for the sake of providing his wife and children with shelter and food. Conflicts with children, especially with his son Nikolai, become an impetus for the character to make sense of his life. Draft materials contain several versions of conflict scenes, which can be used to trace the evolution of the character of Skorokhodov Sr: in early versions, he is often harsh with his son, giving way to paternal frustration; in subsequent editions, Shmelyov leads the father and the son to reconciliation, which is more emotional rather than ideological. Skorokhodov analyzes his past and reconsiders the present in order to find the reasons for the ever-growing generation gap. The desire to find mutual understanding with his son awakens a true paternal feeling in the character, and through this feeling he finds the spiritual meaning of life. Working on the text, Shmelyov does away with the vast amount of social and everyday details and with the straightforward allusions to the religious context. Thus, Shmelyov subtly weaves references to the archetypal plot about the prodigal son, genetically related to the "fathers and children" theme, into the figurative plot of the story, while cutting out the scene of Skorokhodov Sr's prayer-appeal to God on the night before his son's execution, functionally replacing it with the image of an old man selling mittens and felt snow boots, the one who saved Kolyushka that escaped from prison. The history of the text shows how a social understanding of reality in the spirit of classical realism evolves into a symbolically generalized plot.

Keywords: Ivan Shmelyov, history of text, neorealism, theme of fathers and children, prodigal son

For citation: Skoropadskaya, A.A. (2024) The "fathers and children" theme in Ivan Shmelyov's story *The Man from the Restaurant* in the aspect of the text history. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 36. pp. 21–34. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/36/2

Определяя место И.С. Шмелева в литературном процессе, многие исследователи относят его творчество к направлению неореализма¹, течения, воплотившего в себе синтез критического / классического реализма

¹ Так, например, в статье Г.А. Зябревой, рассмотревшей существующие в литературоведении трактовки феномена «неореализм», приведены основные концепции этого понятия: в большинстве из них Шмелев включен в круг писателей-неореалистов [2. С. 180–185].

и символизма / модернизма. Основными чертами неореализма являются смешение стилей, соединение бытийного и социально-конкретного мировоззрения [1. С. 269], сохранение интереса к объективной реальности и актуализация онтологического единства человека со всем сущим, переосмысление литературной традиции, но не отказ от нее.

Повесть «Человек из ресторана», писавшаяся в 1910 г. и изданная в 1911 г., приходится на период окончательного оформления в литературе неореалистических тенденций: по утверждению Т. Давыдовой, «в эти годы у неореалистов возникает концепция “органического” <...> человека, углубляется понимание места “маленького человека” в мире, создается разветвленная типология героев» [3. С. 35]. Неореалистические тенденции формируются внутри социального реализма: социальная проблематика доминирует на сюжетно-образном уровне у многих писателей-неореалистов, в том числе у Шмелева. Именно поэтому повесть «Человек из ресторана» была воспринята современниками и последующими читателями как талантливое следование традициям русской реалистической прозы. Однако оставаясь доминантой стиля и метода, реализм Шмелева пропитывается элементами модернистской поэтики, что закладывает основы духовного реализма.

Обращение к истории текста шмелевской повести помогает определить не только становление писательской манеры, но и укрепление неореалистических тенденций в авторском методе. Рассмотрим это на примере темы отцов и детей, положенной в основу внешнего и внутреннего сюжета произведения и обуславливающей его идейную заданность.

Во всех исследованиях, так или иначе касающихся раннего творчества Шмелева, отмечается его идеологическая и художественная близость с русской классической литературой. Так, тема «маленького человека», актуальная для многих произведений 1900–1910 гг., имеет непосредственную связь с Достоевским [4], тема мещанского существования и пошлой повседневности – с Чеховым [5], тема ухода – с Толстым [6]. В монографических исследованиях (например, [7–9]) связь Шмелева с литературной традицией представлена более концептуально, но и в этих работах большее внимание уделяется зрелым произведениям автора. Повесть «Человек из ресторана» рассматривается как значительное для дореволюционного периода произведение, в котором Шмелев проявил себя последователем традиций русской классической литературы, для которой тема конфликта поколений и заложенный в ее основание архетипический мотив блудного сына имеет концептуальную значимость.

Рукописное наследие И.С. Шмелева достаточно широко представлено в РГАЛИ (подробно об этом – [10]) и РГБ [11]. Сохранившиеся рабочие материалы повести позволяют реконструировать историю текста на стилистическом, сюжетно-образном, идейном уровнях. Подобного рода реконструкцию в своих диссертационных работах частично использовали М.М. Дунаев [12] и А.П. Черников [13], но обилие хранящихся в архиве рабочих материалов дает богатую почву для более детального их изучения с помощью сравнительно-сопоставительного метода текстологического анализа. В частности, интересно проследить смену смысловой парадигмы: художественное исследование низших социальных слоев через «ресторанный текст» [14] все больше наполняется христианско-этическим контекстом, идейный замысел меняет свой вектор с остросоциального на нравственно-психологический.

В черновом автографе, озаглавленном «Записки ресторанного лакея», начало повести сразу погружает читателя в ресторанный мир героя, описывающего тонкости своего «услуживающего» ремесла. В наброске, представляющем свободный план произведения, Шмелев отмечает: «Параллельно съ рестор<анной> жизнью, идетъ жизнь и въ семьѣ автора и его знакомыхъ»¹ [11. Ед. хр. № 15. Л. 14]. Образы детей появляются, когда герой начинает задумываться о смысле своей жизни: спящая дочь (в раннем варианте – сын) пробуждает в нем мысли о будущем:

А за [стѣной досчатой] стѣнкой свернулась калачикомъ [дочурка моя Наташка] Наташа. Тихо такъ дышитъ... Чистенькая и невинная... И спитъ, и видитъ сны. [Какіе сны она видитъ? Что грезится ей?] И задумаешься. Что ожидаетъ [она] ее въ жизни? Ей не останется отъ насъ купонъ и разныхъ билетовъ, выигрышныхъ и другихъ, и домовъ многоэтажныхъ, и какъ получили [недавно] въ наслѣдство барышни Пупаевы, въ домъ коихъ я тогда [имѣю честь квартировать] квартировалъ [11. Ед. хр. № 15. Л. 21].	Но теперь онъ спитъ, и пусть спитъ крѣпко, потому что у него завтра экзамень безъ протекціи. Господи! Пошли ему... Вотъ теперь ночь на дворѣ черная, и дождь льетъ... и есть которые многіе, не имѣють крова и не имѣють работы и завтра... И я не знаю отчего это. Когда я не заним<ался> этимъ писаніемъ, ничего и замѣтить не <нрзб>, какая быв. жизнь, и какъ все неправильно, а когда вотъ пишу, сердце у меня ноетъ и слезы жгутъ душу... и обидно становится, почему такъ много горькаго и т. мало сладкаго, почему одни все имѣють и стар<аются> давать другимъ, и почему никто изъ умнѣющихъ людей не кричитъ всѣмъ вслухъ, что такъ нельзя [11. Ед. хр. № 15. Л. 15].
---	--

¹ Рукопись расшифрована в рамках реализации гранта РФФИ, проект № 18-012-00381а. В квадратных скобках приводится вычеркнутый Шмелевым текст, полужирным выделен вписанный текст, в треугольных скобках – восстановленный текст.

Дальнейшие варианты показывают, что Шмелев пересматривает повествовательную стратегию: размышления главного героя о своей жизни инициируются уничижительной оценкой его профессии, высказанной сыном:

Конечно, Колюшка еще молодъ и не понимаетъ [сути всей] глубины жизни, а вотъ какъ [пожить съ мое] пооботрется да поприглядывается къ людямъ, совсѣмъ другое [будетъ говорить] запоетъ. А все-таки обидно было отъ родного сына подобное слушать, очень обидно! Ну лакей, вѣрно... Чтожъ изъ того, что по [назначенію] предназначенію судьбы я лакей! А?

И далее:

Ты, говорить, исполняешь бесполезное и низкое ремесло! Кланяешься всякому прохвосту и хаму! [Не быв. никогда Это образов. то люди – хамы... Это] Пятки имъ лижешь за полтинникъ! А? [Я бы] Лучше бы, говорить, [былъ счастливъ, если бы ты былъ простой мужикъ и самъ обрабатывалъ свою землю!] сам<ый> муж<икъ> муж<икъ> ты былъ, землю пахалъ!.. [11. Ед. хр. № 15. Л. 18].

Таким образом, тема отцов и детей актуализируется с самого начала и актуализируется через обозначения разрыва, происходящего между главным героем и его сыном.

Семья, жена и дети, являются для Якова Скороходова смыслом жизни – ради них он пропадает на работе, преодолевая физическую усталость и психологические унижения. Но ресторанная служба заполняет собой всё его жизненное пространство: детей он видит урывками, их воспитание проходит практически без его непосредственного участия, и, как следствие, неминуемыми становятся непонимание и конфликты.

В первом варианте повести поколенческий конфликт между отцом и сыном выражен более резко и все более нарастает. Самоубийство Кривого не просто становится отправной точкой семейных несчастий, но выступает катализатором внутрисемейных отношений:

<–> Вы завтра съ директоромъ будете говорить... Держите себя съ достоинствомъ! А то вы всегда [боитесь] привыкли кланяться [, какъ]...

Кольнуль онъ [этимъ] меня [сильно].

– Ты мнѣ такъ не смѣй говорить, учить... Ты вотъ можешь послѣдняго чело-
вѣка жалѣешь, какого-то Кривого, который намъ [напакостить хотѣлъ и]
напакостилъ... онъ [нарочно] назло [намъ] и удавился-то у насъ, а **ты** съ от-
цемъ такъ...

А Колюшка вытянулъ голову и [кр] шепотомъ такъ: [Какъ вамъ не стыдно,]

<–> А еще [вы] религіозный чело-вѣкъ!.. А-а...

Но тутъ я не сдержался [и сердце у меня пошло ныть].

<—> [А ты, говорю, скоть] Скоть ты, говорю, а не сынъ **послѣ всѣго!**

А онъ повернулся и пошелъ [Ну хорошо пусть такъ и будетъ] и ушелъ к себѣ въ коридорчикъ, гдѣ спить, **и давай вздѣ-впередъ** [11. Ед. хр. № 15. Л. 47 об.].

Грубые упреки в адрес сына, с одной стороны, показывают отцовскую обиду на недостаточную верность семье, а с другой – выявляют противоречивость характера самого Скороходова, у которого христианские заповеди, декларируемые на словах, иногда расходятся с делом.

В последующем варианте сцены отсутствует грубая реакция Скороходова на резкость сына:

Стать я Колюшку успокаивать. Разказаль, что директора видѣль и онъ очень ласковъ былъ... а онъ мнѣ вдругъ сердито такъ:

– Вы завтра съ нимъ будете говорить, такъ держите себя съ достоинствомъ<,> а то привыкли кланяться...

Кольнулъ онъ меня этимъ сильно.

– А вотъ ты, говорю, привыкъ [отц] съ отцомъ зубъ за зубъ. Ты вотъ, можеть послѣдняго человѣка жалѣешь, какого-то [11. Ед. хр. № 16. Л. 11].

Теперь конфликт между отцом и сыном не нарастает (в первом варианте Колюшка и Скороходов расходятся по своим углам и больше не разговаривают), а перерастает в примирение¹:

Обнялъ я его въ темнотѣ, и такъ мнѣ его жалко стало... Тепленькій онъ и дрожить въ рукахъ... И передалось ему отъ меня чувство. И онъ прижался и голову мнѣ на плечо положилъ. Поласкалъ я его тутъ молча, по головѣ погладилъ. Одинъ разъ вотъ такъ за всю жизнь и поласкалъ-то отъ всего сердца... Потому что т<а>кое несчастье у насъ было на душѣ, и странно было мнѣ чего-то, словно вотъ случится что необыкновенное. И такъ онъ ко мнѣ притиснулся.

И молчали мы... [И ниче] И какъ посидѣли такъ, я и говорю шопотомъ <,> чтобы Луша не знала:

– Попроси завтра прощенія у учителя... Пусть онъ не правъ... Я всего видалъ въ жизни<,> [и меня] мнѣ много обидѣ дѣлали... Но ты бери примѣръ съ Ісуса Христа и смиришь...

– Не могу, папочка... Не могу...

¹ И.А. Беляева, исследовав диалектику отечески-сыновних связей в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети», выявила смысловой код темы «отцы и дети»: «Отношения *отцов* и *детей* (здесь и далее курсив автора. – А.С.), даже в случае если они отрицают друг друга, все равно сказываются любовью, в которой есть место и непониманию, и противоречиям, но и – обязательно – пониманию и, в конечном счете *примирению*» [15. С. 12].

Никогда раньше и такъ меня не называль. Даже мнѣ какъ и совѣстно стало и хорошо. Очень ужъ нѣжно онъ меня назваль [11. Ед. хр. № 16. Л. 11 об.].

Однако состоявшееся примирение скорее эмоциональное, а не идейное. Скороходов апеллирует к примеру Иисуса Христа, смиренно принявшего смертные муки и поругание. Но у Колоушки перед глазами ежедневный пример собственного отца, через унижения зарабатывающего насущный хлеб:

– Я, говорить, тогда себя не буду уважать и не человекъ я послѣ буду... Вы только помните, что я васъ никогда не унижу <?> знайте, говоритъ, > что чтобы ни случилось, вамъ сынъ никогда не сдѣлаетъ гадости... Я себѣ слово даль... Вы не знаете, что насъ всѣхъ такихъ, какъ я, называютъ кухаркиными да кучеровыми сыновьями... я знаю... но только... я... [11. Ед. хр. № 16. Л. 11 об.].

Образ Христа, используемый Яковом Скороходовым как пример смирения, углубляет тему отечески-сыновних отношений на символично-философском уровне: Бог-отец и его сын Иисус Христос являют высшее единство, в основе которого заложены вечная любовь и вечная истина: «да будут едино, как Мы едино. Я в них, и Ты во Мне; да будут совершены воедино, и да познает мир, что Ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня» (Ин. 17:22–23). Но миропонимание Скороходова-отца еще узко: его мир очерчен границами ресторана и дома, он живет проблемами текущего дня; ежедневно наблюдая пороки ресторанной публики, герой хочет вырваться из этой грязи, но его мечты о светлом будущем (своем и детей) ограничиваются бытовым благополучием (собственный дом, достойная профессия у сына, благополучное замужество у дочери). В свете окончательного заглавия повести особой символикой в устах Колоушки наполняется лексема «человек» (не человекъ я послѣ буду): в сознании героя это слово принадлежит гуманно-этической, а не социальной сфере.

Конфликт с сыном заставляет Скороходова-старшего оглянуться в прошлое в поисках его причин. Примечательно, как Шмелев разрабатывает логику рассуждения героя:

И что онъ у меня за человекъ и откуда у него такія слова. Росъ онъ росъ, и не видаль я его совсѣмъ. Да когда же и видѣть то? На службу ухожу въ [пол-часа 8] восьмомъ часу утра [– спать, потю], одну минуту и видишь, какъ онъ [кни] уроки читаетъ, а придешь **ночью** въ 3^{мѣ} часу утра – спать. Такъ и не видаль я его совсѣмъ, а ужъ онъ большой. Вотъ какая [слу] жизнь! И дитя свое не видишь и не знаешь. И выросъ онъ, мой мальчикъ Колька, выросъ и [твое]

не вспомнишь, какой онъ былъ когда маленькій. – Такъ все и прошло, и воротить нельзя, посмотрѣть, [когда же онъ<ъ>] какой же онъ маленькій то былъ, какъ будто у чужихъ росъ. Что же, я дурного въ немъ не примѣчаю. И не балуется онъ, и добываетъ пятнадцать рублей въ мѣсяцъ, [учить] на урокъ ходитъ и все до копейки матери отдастъ. И никогда не смѣется [и не гуляетъ даже и] и очень тихій, <нрзб> Любкъ помогаетъ [а) по урокамъ<ъ> б) уроки] по урокамъ [11. Ед. хр. № 15. Л. 5 об.].

В следующем варианте автор вносит некоторые, на первый взгляд, незначительные изменения:

И что онъ у меня за человѣкъ и откуда у него такіа слова. Росъ онъ росъ<ъ> и не видалъ я его совсѣмъ. Да когда и видѣть-то? На службу уходишь [въ половинѣ восьмого, одну] рано, минутку [всего] **какую** и видишь-**то**, какъ онъ уроки читаетъ, а придешь [въ третьемъ – спать] ночью, спать. Такъ я и не видалъ [я] его совсѣмъ, а ужъ онъ большой. И дитя-**то** свое не видишь и не знаешь! [Вотъ какая жизнь!] И выросъ онъ [большой], мой мальчикъ, Коляка, выросъ и не вспомнишь, какой **же** онъ былъ, когда маленькій...[Маленькій.] На кривыхъ ножкахъ ходилъ... /утюгъ на себя съ <нрзб.> свалилъ.../ Нѣтъ, не вспомнишь... **Точно у чужихъ<ъ> росъ**. Такъ [все] и прошло **все**, и [воротить нельзя] нельзя воротить... [Что же, я] Дурного [я] въ немъ **я** не [примѣчаю] примѣчалъ. [И не балуется онъ, и ничего такого нѣтъ, и] Добываетъ пятнадцать рублей въ мѣсяцъ отъ урока и [все] матери [отдастъ] отдавалъ. И никогда даже не [смѣется] смѣялся, [и] тихій [больше,] и скромный былъ... и Наташѣ [помогаетъ] помогать въ урокахъ... И **меня** [любить] любилъ, [знаю, что любить] очень любилъ... А я-то и не приласкалъ[-то] его какъ слѣдуетъ» [11. Ед. хр. № 15. Л. 26].

Рассуждения героя разнятся не только на стилистическом уровне (второй вариант более приближен к разговорной речи за счет порядка слов и частиц –*то, же*). Шмелев смещает временной ракурс рассуждений Скороходова из настоящего в прошлое: *отдает – отдавал, не смеется – не смеялся, помогает – помогал*. Таким образом, осознанный взгляд отца на сына получает ретроспективный характер: он начинает понимать достоинства своего ребенка, а также то, что Колюшка его любит. Эта безусловная детская любовь, только сейчас осознанная отцом, до этого понимавшим свой родительский долг лишь в материально-бытовом аспекте (обеспечить кровом, едой, одеждой, образованием...), становится толчком к пробуждению духовной ответственности.

Герой-лакей надеется, что образование освободит его детей от бедности и, что главное, унижений. Занимая одно из последних мест в социальной иерархии, Скороходов-старший все свои усилия направляет на то, чтобы обеспечить своим детям лучшую жизнь. Единственную возможность социального лифта дает образование:

И хотя говор., вы всё и лакейск. сословія и даже у васъ [ста] папаша въ простомъ трактирѣ служиль, но образованіе все покрываетъ, а ежели онъ да въ инженеры попадетъ, такъ чего же лучше [11. Ед. хр. № 15. Л. 15 об.].

Но унижения преследуют его детей, постепенно накапливаясь и приводя к эмоциональному взрыву. Шмелев подбирает сюжетные подступы к этому взрыву. Так, по одной из его задумок сын оканчивает курс училища и, первый вариант, Скороходов с семьей празднуют это событие дома:

Сынъ кончилъ курсъ, и у насъ нынче пиръ дома. [Буфетчикъ] Какой у насъ скандалъ вышелъ! Господи! Принесъ я вина бутылки двѣ, отъ гостей остались – <...> Откуда? – И пошло... – Обидѣлъ онъ меня, а потомъ поплакалъ... [11. Ед. хр. № 15. Л. 15].

Затем второй вариант – сын отмечает это событие с одноклассниками в ресторане, где работает его отец, что и замечают его товарищи:

Господа, а у него отецъ здѣсь лакеемъ, говорятъ. Онъ говор. имъ... такъ вы не изъ реальн. училища? что съ ними. [Отъ] Ему говор., что трудно держать экзамень, [но и] если случай есть. У него есть случай... [11. Ед. хр. № 15. Л. 15 об.].

Однако последующая разработка сюжета приобретает больший драматизм. Вся глубина и масштабность переживаемых детьми унижений проявляется в ситуации исключения Колюшки из гимназии. Эта ситуация обыгрывается Шмелевым в разных деталях. Так, например, он подбирает причины исключения: плохая оценка, спор с учителем о пожертвовании денег на войну. Общим во всех этих вариантах является острое чувство несправедливости из-за предвзятого отношения со стороны учителей и руководства училища к Колюшке как сыну лакея. В раннем варианте Колюшка рассказывает отцу о всех унижениях, с которыми столкнулся в училище с самого начала:

А онъ какъ [оторвется и на меня грозно] бросить руки да на меня: – Въ чемъ? въ чемъ? А вы въ чемъ будете извиняться? [Это передъ хамами-то!] Да они носка вашего не стоятъ! [Вы ихъ не знаете! Они они...] Они меня всё годы мучили... [Они и обращались-то со мной не такъ, какъ съ другими.] [Хамы!] Подлецы они! Владимиръ Николаичъ у насъ, надзирателишка, [его и] онъ всего [четыре] три класса гимназіи прошель, [малограмотный] а онъ у насъ всёми дѣлами ворочаетъ. [Директоръ у него въ рукахъ, деньги для <нрзб.> занимаетъ...] Взаймы директору даетъ... и директоръ у насъ тряпка. И давай говорить про свое. Какъ пренебрежительно относился къ нему [и другимъ бѣднымъ] этотъ [мерзавецъ] Владимиръ Николаевичъ [по фамиліи

Огненный]. [Тотъ] Онъ самый и былъ, носатый и неприятный [изъ себя] человекъ, который мнѣ объявилъ о [судьбѣ дѣла] Колюшкѣ. [И я не вѣрилъ, не вѣрилъ. Но Колюшка всегда правду говорилъ.]

<—> Меня, говорить, еще съ перваго класса [отъ другихъ] отличали [и не только меня, а] и еще человекъ пять [было]. Еще въ третьемъ классѣ онъ меня [: а. за нео б. за] оборвышемъ назваль [называль]. Я это **хорошо** помню... Въ корридорѣ, когда [ходилъ онъ со своимъ любимчикомъ, котораго] я его любимчика за фискальство [потрепаль] оттрепаль, онъ меня прижалъ въ уголъ и шипѣлъ [на меня и кричалъ]: <<«оборвышь, дрянъ! заплатникъ! Я тебя изъ училища вышвырну! Въ [половые тебя] половыхъ тебѣ мѣсто, а ты [, мерзавецъ,] къ намъ лѣзешь...!>> Я [плакалъ] тогда [и] все понималъ и **плакалъ**. [Онъ меня ненавиделъ] Ненавиделъ онъ меня. И [ко мнѣ] его любимцы, которые ходили въ свѣтлыхъ парахъ, также относились. [А я все на сердцѣ томилъ. И потомъ, всегда...] И называль онъ меня въ насмѣшку «господинъ [Скомороховъ] Сракоходовъ» — нарочно коверкалъ [мою] фамилію [Скороходовъ]. [И помню, какъ у насъ его рож носъ на доскѣ наvertsили онъ меня пыталъ, кто начертилъ, и я не сказалъ, такъ онъ меня обвинилъ и на три воскресенья меня вызывали! И я плакалъ отъ несправедливости.]

Съ пятаго класса насъ развращалъ. Шушукался съ любимчиками и [совѣ] давалъ совѣты насчетъ того... и адреса давалъ... Мерзавецъ! [А меня меня онъ считаль... Вы не знаете... а я знаю...] Онъ про меня [пустилъ тамъ слухъ] распространилъ, что я неестественнымъ порокомъ занимаюсь [и относился гадливо]. Онъ меня вшивымъ называль... [Онъ меня] До ненависти довелъ! Я его видѣть не могъ. У насъ такъ классъ и раздѣлился. Аристократы и мы... [И теперь все кончено.] А сегодня, когда я вышла изъ пріемной, онъ стоялъ за дверью и слушалъ, и когда я вышла, онъ мнѣ сказалъ [вызывающе] со смѣшкомъ: <<«Какъ дѣла, господинъ Скомороховъ?»>> [И] Ну, такъ я при всѣхъ и сказала — Вы не воспитатель, а мерзавецъ! У насъ самые способные ученики изъ-<за> него вылетѣли... [Только] Потому, что [не шли къ нему на поклонъ и были самостоятельны] презирали его. Видите, [что нельзя] все теперь кончено... [И я] А сегодня я послалъ письмо педагогическому совѣту и все **имъ** написалъ [про себя и про другихъ], начистоту. [Я сдѣлалъ, какъ моя совѣсть мнѣ сказала. Потому что я демократъ и хочу быть честнымъ. И скверные анекдоты развращалъ.] [11. Ед. хр. № 15. Л. 52–52 об.].

Внося социально-бытовые детали, Шмелев усугубляет картину социального неравенства и несправедливости, в которых живет его семья, но в дальнейшей разработке текста автор отказывается от этих вполне реалистичных подробностей, сосредоточиваясь на внутренних переживаниях героев.

В психологическом плане ситуация с исключением Колюшки из училища окончательно открывает Скороходову глаза на сына: он начинает видеть в нем сложившуюся личность с высокими нравственными ценностями. Его отцовское чувство просыпается в полной мере. Однако открыв

в себе отца, герой теряет детей: сына арестовывают, и он вынужден бежать, скрываясь от властей, дочь покидает родительский дом ради гражданского брака. Эти сюжетные ходы вполне вписываются в архетипичный мотив блудного сына, концептуальная значимость которого для повести отмечена исследователями (так, подробный разбор реализаций мотива «блудный сын» приводится в диссертации Е.В. Параскевы [16. С. 71–111]). Стоит отметить, что анализу подвергается, как правило, окончательная, печатная редакция повести. Между тем черновые материалы позволяют определить, что евангельская притча о блудном сыне изначально рассматривалась Шмелевым в качестве смыслового ядра. Так, в наброске-плане, находящемся в папке № 15, окончание повести прописано как молитва-обращение героя к Богу в ночь накануне казни Колюшки:

Господи! Помяни раба твоего, **отрока** Николая, отрока Николая. Отрок онъ! И ничего не видалъ, и жизни не вид... и [ж] нич. не увидить... Прими его, отецъ, и прости, прими и обойми, Отець... погладь его головушку, бѣдную [больн] головушку, растопи его сердце, очи его открой, удостой свѣта, согрѣй его душу... Дай ему просвѣтленіе... Прости его и прими, какъ сына... въ обителяхъ райскихъ... А я... я» [11. Ед. хр. № 15. Л. 16].

Родительское отчаяние приводит героя к Богу, и Богу он перепоручает своего сына, которому не в силах помочь. Блудный отец Яков Скороходов возвращается к своему Отцу, от которого отошел, погрузившись в мелочность житейских забот и обид.

Однако в дальнейшей разработке сюжета Шмелев отказывается от эпизода с молитвой. Его отчасти заменяет появление старичка – торговца теплым товаром, который на время укрыл бежавшего из тюрьмы Колюшку. Е.В. Параскева объясняет это так: «Герою Шмелёва самому необходимо вернуть корневое представление о вере, чтобы помочь своим детям, и это происходит только после истории со старичком, торгующим тёплым товаром. <...> Возвращение Скороходова к вере, дающей ему силы быть милосердным, происходит не резко, это не прозрение, а долгий путь блужданий по горю, когда обретение себя и веры происходит параллельно с ошибками и испытаниями» [16. С. 79]. Великая в своей простоте мысль, высказанная старичком («Безъ Господа не проживешь <...> Добрые-то люди имѣють внутри себя силу отъ Господа!») пробуждает христианское мировидение героя: его бытовая религиозность превращается в активно-действенное отношение к вере. По замечанию В.Т. Захаровой, «чудо спасения отца и чудо спасения сына» происходит «через явившееся благодаря старичку “сияние правды”» [17. С. 191].

Осознание Божьей воли открывает Скороходову духовные силы в противостоянии социальной несправедливости. И это осознание герой готов передать сыну: «Какое мое разсуждение – это ужъ я знаю-сь. Вотъ вамъ ресторанъ и чистыя салфетки и зеркала-сь... Кушайте-сь и глядите-сь... А мое такъ при мнѣ и остается, тутъ-сь. Только Колюшкѣ когда... сообщишь изъ себя... Да-сь...».

Итак, традиционная для русской литературы тема отцов и детей встраивается Шмелевым во внешний и внутренний сюжеты повести. С точки зрения событийной канвы произведения тема реализуется через разворачивание поколенческого конфликта, который продиктован прежде всего социально-бытовыми причинами. Идейно-философское наполнение, восходящее к евангельской притче о блудном сыне, с самого начала рассматривается Шмелевым в качестве смысловой доминанты. В процессе работы над текстом писатель отказывается как от обилия социально-бытовых деталей, так и от прямолинейного религиозного ракурса в раскрытии темы. Сосредоточиваясь на нравственно-психологической эволюции героя, Шмелев в русле неореалистических тенденций актуализирует внутренний сюжет и в духе импрессионистической эстетики оставляет в текстовом полотне отсылки к онтологически значимым темам.

Список источников

1. Келдыш В.А. Реализм и неореализм // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Кн. 1. М. : ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. С. 259–334.
2. Зябрева Г.А. Еще к вопросу о русском неореализме // Вопросы русской литературы. 2015. № 2 (32). С. 180–187.
3. Давыдова Т.Т. Русский неореализм. Идеология, поэтика, творческая эволюция. М. : Флинта – Наука, 2005. 336 с.
4. Щенникова Л.П. Ф. Достоевский и И. Шмелев: компаративистический аспект // Вестник СПбГУКИ. 2012. № 4 (13). С. 174–180.
5. Дзыга Я.О. Бытописание И.С. Шмелева и традиции русской литературы // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2011. № 2. С. 99–105.
6. Черников А.П. «И имя ему лев»: толстовские традиции в прозе И. Шмелёва // Вестник Калужского университета. 2013. № 1-2. С. 88–94.
7. Захарова В.Т. Поэтика прозы И.С. Шмелева. Нижний Новгород : Мининский университет, 2015. 106 с.
8. Коршунова Е.А. Между классикой и модерном: традиция и интертекстуальность в поэтике прозы Ивана Шмелева. Харьков : ФОРМ Бровин А.В., 2013. 216 с.
9. Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. 272 с.
10. Герчикова Н.А., Хачатурян Л.В. Личный фонд И.С. Шмелева в РГАЛИ. Незвестная редакция романа И.С. Шмелева «Пути небесные» // Вестник архивиста. 2009. URL: <https://www.vestarchive.ru/issledovaniia/896---a---lr.html> (дата обращения: 05.04.2021).

11. ОР РГБ. Ф. 387. Иван Сергеевич Шмелев. Повести и рассказы 1908–1910 гг. Карт. 4. Ед. хр. 1-18.
12. Дунаев М.М. Своеобразие реализма И.С. Шмелева (творчество 1894–1918 годов) : дис. ... канд. филол. наук. Л. : [б. и.], 1978. 228 с.
13. Черников А.П. Проза И.С. Шмелёва: Концепция мира и человека. Калуга : Калужский областной институт усовершенствования учителей, 1995. 341 с.
14. Кихней Л.Г., Темиршина О.Р. «Все мы бражники здесь...». Ресторанный текст в поэзии Серебряного века // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 55. С. 212–227. doi: 10.17223/19986645/55/14
15. Беляева И.А. «Отцы и дети» И.С.Тургенева: роман о «вечном примирении» // Филологический класс. 2017. № 3 (49). С. 7–14. doi: 10.26710/fk17-03-01
16. Параскева Е.В. Система повествовательных мотивов в художественной прозе И.С. Шмелева : дис. ... канд. филол. наук. Сургут : [б.и.], 2018. 224 с.
17. Захарова В.Т. В преддверии «духовного реализма»: система лейтмотивов религиозно-философского плана в дооктябрьской прозе И. Шмелева // Наследие И.С. Шмелева: проблемы изучения и издания: сборник материалов международных научных конференций. М. : ИМЛИ РАН, 2007. С. 187–194.

References

1. Keldysh, V.A. (2001) Realizm i neorealizm [Realism and Neorealism]. In: Keldysh, V.A. (ed.) *Russkaya literatura rubezha vekov (1890-e – nachalo 1920-kh godov)* [Russian Literature at the Turn of the Century (1890s – early 1920s)]. Vol. 1. Moscow: IWL RAS, “Nasledie”. pp. 259–334.
2. Zyabreva, G.A. (2015) Eshche k voprosu o russkom neorealizme [More on Russian Neorealism]. *Voprosy russkoy literatury*. 2(32). pp. 180–187.
3. Davydova, T.T. (2005) *Russkiy neorealizm. Ideologiya, poetika, tvorcheskaya evolyutsiya* [Russian Neorealism. Ideology, Poetics, Creative Evolution]. Moscow: Flinta – Nauka.
4. Shchennikova, L.P. (2012) F. Dostoevskiy i I. Shmelyov: komparativisticheskiy aspekt [F. Dostoevsky and I. Shmelyov: A Comparative Aspect]. *Vestnik SPbGUKI*. 4(13). pp. 174–180.
5. Dzyga, Ya.O. (2011) Bytopisanie I.S. Shmelyova i traditsii russkoy literatury [Description of I.S. Shmelyov's Biography and Traditions of Russian Literature]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2. pp. 99–105.
6. Chernikov, A.P. (2013) “I imya emu lev”: tolstovskie traditsii v proze I. Shmelyova [“And His Name Is Leo”: The Tolstoyan Traditions in I. Shmelyov's Prose]. *Vestnik Kaluzhskogo universiteta*. 1–2. pp. 88–94.
7. Zakharova, V.T. (2015) *Poetika prozy I.S. Shmelyova* [Poetics of I. S. Shmelyov's Prose]. Nizhny Novgorod: The Minin University.
8. Korshunova, E.A. (2013) *Mezhdru klassikoy i modernom: traditsiya i intertekstual'nost' v poetike prozy Ivana Shmelyova* [Between Classics and Modernism: Tradition and Intertextuality in the Poetics of Ivan Shmelyov's Prose]. Kharkov: FOP Brovin A.V.
9. Lyubomudrov, A.M. (2003) *Dukhovnyy realizm v literature russkogo zarubezh'ya: B.K. Zaitsev, I.S. Shmelyov* [Spiritual realism in Russian literature abroad: B.K. Zaitsev, I.S. Shmelyov]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.

10. Gerchikova, N.A. & Khachatryan, L.V. (2009) Lichnyy fond I.S. Shmelyova v RGALI. Neizvestnaya redaktsiya romana I.S. Shmelyova “Puti nebesnye” [I.S. Shmelyov’s personal fund in RGALI. The unknown edition of I.S. Shmelyov’s “Heavenly Paths”]. *Vestnik arkhivista*. December. [Online] Available from: <https://www.vestarchive.ru/issledovaniia/896----a---lr.html> (Accessed: 5th April 2021).

11. Department of Manuscripts, Russian State Library. (n.d.) *Ivan Sergeevich Shmelyov. Povesti i rasskazy 1908–1910 gg.* [Ivan Sergeevich Shmelyov. Stories and novellas of 1908–1910]. Fund 387. Box 4. Files 1–18.

12. Dunaev, M.M. (1978) *Svoeobrazie realizma I.S. Shmelyova (tvorchestvo 1894–1918 godov)* [The uniqueness of I.S. Shmelyov’s realism (works of 1894–1918)]. Philology Cand. Diss. Leningrad.

13. Chernikov, A.P. (1995) *Proza I.S. Shmelyova: Kontseptsiya mira i cheloveka* [I.S. Shmelyov’s prose: The concept of the world and man]. Kaluga: Kaluga Regional Institute for Advanced Teacher Training.

14. Kikhney, L.G. & Temirshina, O.R. (2018) “Vse my brazhniki zdes’...”. The restaurant text in the Silver Age poetry]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 55. pp. 212–227. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/55/14

15. Belyaeva, I.A. (2017) “Ottsy i deti” I.S. Turgeneva: roman o “vechnom primirenii” [“Fathers and Sons” by Ivan Turgenev: A novel about “eternal reconciliation”]. *Filologicheskii klass*. 3(49). pp. 7–14. DOI: 10.26710/fk17-03-01

16. Paraskeva, E.V. (2018) *Sistema povestvovatel’nykh motivov v khudozhestvennoy proze I.S. Shmelyova* [The system of narrative motifs in I.S. Shmelyov’s fiction]. Philology Cand. Diss. Surgut.

17. Zakharova, V.T. (2007) V preddverii “dukhovnogo realizma”: sistema leymotivov religiozno-filosofskogo plana v dooktyabr’skoy proze I. Shmelyova [On the eve of “spiritual realism”: The system of leitmotifs of a religious and philosophical nature in I. Shmelyov’s pre-October prose]. In: Spiridonova, L.A. (ed.) *Nasledie I.S. Shmelyova: problemy izucheniya i izdaniya* [I.S. Shmelyov’s Legacy: Problems of Study and Publication]. Moscow: IWL RAS. pp. 187–194.

Информация об авторе:

Скоропадская А.А. – кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия). E-mail: san19770@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Skoropadskaya, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: san19770@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.02.2022;
одобрена после рецензирования 30.05.2023; принята к публикации 31.10.2024

The article was submitted 21.02.2022;
approved after reviewing 30.05.2023; accepted for publication 31.10.2024